

Р.О. ПОНОМАРЕНКО, канд. ист. наук, доцент НТУ «ХПИ»

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ: РЕАЛЬНОСТИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В ВОСПРИЯТИИ СОЛДАТ ДИВИЗИИ СС «ДАС РАЙХ»

В статі аналізуються деякі особливості війни на Східному фронті в 1941-1945 роках та їх вплив на вояків дивізії СС «Дас Райх». Увагу приділено воєнним злочинам ворогуючих сторін, показано вплив жорстокості на вояків. Також відображено такий маловідомий аспект, як відносини есесівців з місцевим населенням на окупованій території.

В статье анализируются некоторые особенности войны на Восточном фронте в 1941-1945 годах и их влияние на солдат дивизии СС «Дас Райх». Уделено внимание военным преступлениям противоборствующих сторон, отражено воздействие жестокостей на солдат. Также отображен такой малоизвестный аспект, как отношения эсэсовцев с местным населением оккупированных территорий.

In the article we examine some factors of War on the East front, 1941-1945 and their influence to the soldiers SS-Division "Das Reich". We attended war crimes of the confrontation sides and reflected effect of barbarities to the soldiers. Also we examine such little known aspect as relationships SS-men with population of occupied territories.

Военные преступления стали такой же неотъемлемой частью истории Второй Мировой войны, как масштабные танковые сражения и ковровые бомбардировки. Бушевавшая на советско-германском фронте обоюдная вакханалия жестокости до сих пор не дает возможности беспристрастно рассматривать события тех героических, но одновременно и трагических лет.

Как заметил историк Й. Вестемайер, благодаря «Холодной войне», большое число военных преступлений совершенных немцами на Восточном фронте осталось фактически безнаказанными – в Западной Европе преступления против англо-американских союзников преследовались куда жестче, чем преступления против «коммунистов» [17, р.137]. Трудно спорить с этим утверждением. В то же время, в наши дни действительно нелегко подтвердить или опровергнуть данные о совершении эсэсовцами того или другого военного преступления. Политическая конъюнктура и спекуляции, а также ангажированная реакция некоторых общественных кругов, зачастую не позволяют провести объективный научный анализ тех или иных случаев. Многие почему-то забывают, что мораль войны и мораль мирного времени – диаметрально противоположные понятия и оценивать те события можно только в общем историческом контексте эпохи, не разделяя, а уж тем более не подменяя причину и следствие. Экстремальные условия войны накладывают свой отпечаток на мотивы поступков людей, которые каждый день вынуждены ходить «по краю» и некорректно вынесение категорических суждений и оценок этих поступков со стороны людей за всю свою жизнь ни разу не побывавших не то что на настоящей войне, но даже в экстремальных условиях на грани выживания.

В работе над статьей автор опирался на исторические исследования, воспоминания ветеранов. Полный список литературы и источников, использованных автором, приводится в конце работы.

Целью статьи является анализ некоторых аспектов ведения войны на советско-германском фронте и влияние их на эсэсовцев из панцер-гренадерской дивизии СС «Дас Райх». Изучение таких вопросов является

актуальным, поскольку позволяет глубже понять психологию и мотивацию немецких солдат, воевавших против Советского Союза в годы Второй Мировой войны. К тому же, дивизия СС «Дас Райх» являлась одной из лучших частей германских вооруженных сил в период войны, и история ее боевого пути привлекает к себе пристальное внимание историков.

Война на Восточном фронте имела свой собственный, особый характер, существенно отличавший ее от войны на Западном фронте. Как отметил немецкий историк Ф. Ремер, и немцы, и русские воспринимали войну как борьбу не на жизнь, а на смерть «вне рамок традиций и норм законов», что обуславливалось борьбой мировоззрений [2, с.117]. Уже с самого начала войны, жестокость с обеих сторон стала в порядке вещей. Немцы выполняли печально знаменитый «Приказ о комиссарах», красноармейцы же просто убивали военнопленных – по современным оценкам 90-95% немецких солдат попавших в 1941 году в советский плен не пережили плен и были убиты, большей частью прямо на фронте [2, с.115] (в книге Г. Кнопфа приводятся несколько примеров убийств немецких военнопленных советскими солдатами в 1941 году и рассказывается о последствиях, которые имели эти убийства для обеих сторон.). Фактически обе стороны вели войну на уничтожение – немцы боролись с коммунизмом и «мировым еврейством» (которое у них также олицетворялось с коммунизмом («жидо-большевизмом»)). Красноармейцы же, в свою очередь, руководствовались известным лозунгом «Убей немца!», провозглашенным советским писателем и публицистом И. Эренбургом на страницах газеты «Красная звезда» от 24 июля 1942 года. Если в начале войны в Красной армии еще продолжало существовать разделение противника на «фашистов» и «немцев» (что, однако не мешало уничтожать военнопленных), то по мере ее эскалации эти два понятия все более сливались в сознании советского народа и армии, а после лозунга Эренбурга все различия между ними стерлись окончательно. Герой Советского Союза А. Постный в письме к дочери от 1 ноября 1943 года выразил мысли сотен тысяч красноармейцев: «А я за ваше счастье, за счастье таких деток как вы, за смерть замученных советских детей буду истреблять немецких гадов до последнего их истребления и уничтожения. Буду биться пока бьется у меня сердце, буду истреблять немчуру пока их не останется ни одного на нашей советской земле» [3, с.36].

Обратите внимание, что в современном обществе как-то само собой утвердилось мнение, что жестокость Красной армии по отношению к попавшим в их руки немецким военнопленным, стала ответом на немецкие зверства; тем самым, советская жестокость как бы оправдывается. Так в работе историка Е. Сенявской указано: «Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором... Фашистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона» [6, с.115]. Однако такие подходы не всегда находят понимание. Российский историк О. Пленков отметил, что «законы войны однозначно указывают, что преступления, совершенные одной стороной, не оправдывают преступлений, совершенных другой стороной». Его вывод

категоричен: «Каждая из сторон должна нести ответственность за свое собственное преступление» [4, с.219].

«Жестокость порождает жестокость» – эта банальная истина столь часто упоминается автоматически, что многие уже даже не задумываются над ее смыслом. Карл Кройц, командир артиллерийского полка дивизии СС «Дас Райх», в послевоенном интервью вспоминал, как его солдаты нашли останки немецкой санитарной колонны уничтоженной красноармейцами – сорок раненых и медперсонал были зверски убиты. После этого случая штаб дивизии отдал приказ в течение восьми дней пленных не брать. Когда через сорок лет после войны у Кройца спросили, был ли выполнен этот приказ, он коротко бросил: «Конечно» [12, р.30]. Если верить Кройцу (а об этом эпизоде известно только с его слов, документальных подтверждений факта отдачи такого приказа нет), то фактически ответственность за этот приказ несет командир дивизии СС «Дас Райх» группенфюрер СС Вальтер Крюгер.

Рассказ Кройца лишь одно из звеньев длинной цепи, но интересен тем, что прямо признает противоправные действия эсэсовцев, как ответ на такие же противоправные действия красноармейцев. Фактически это один из немногих случаев, когда подобные акции получили подтверждение с немецкой стороны, причем не на суде, а в частном интервью.

А вот хотя и другой, но также весьма показательный пример: в послевоенном интервью командир разведывательной роты боевой группы «Дас Райх» Хайнрих Вульф рассказывал, как советский разведывательный патруль во время ночной вылазки захватил его адъютанта молодого унтер-офицера Хубсена. Утром эсэсовцы увидели связанного Хубсена лежащего на куче соломы в двухстах метрах от их позиций. Через громкоговоритель красноармейцы объявили, что если немцы не сдадутся через десять минут, то солома будет подожжена. Их предложение так и осталось без ответа, и Хубсен был заживо сожжен перед глазами товарищей [12, р.30]. Понятно, что после такого случая, трудно было ожидать от эсэсовцев снисхождения к попавшим в их руки красноармейцам, хотя подтвержденные факты подобных действий со стороны роты Вульфа отсутствуют (но это не значит, что их не было).

Исследовавший эскалацию насилия на Восточном фронте историк Ф. Ровер пришел к выводу, что до конца войны снова и снова чередовались фазы актов неконтролируемого насилия и взвешенного поведения [2, с.117]. Как нам кажется, все эти эксцессы являлись закономерным следствием экстремальной военной повседневности, а убийства раненых и пленных солдат противника не являлись в восприятии простых солдат чем-то дикими, наоборот – вполне естественным.

Как следствие всего этого, в условиях тотальной войны на Восточном фронте эсэсовцы прекрасно понимали, что попадание в плен для них в большинстве случаев закончится плачевно. Никаких иллюзий они не испытывали. «Мы были одержимы лишь одной мыслью – не попасть в плен», вспоминал после войны Хайнрих Вульф [12, р.30]. Вторит ему и Эдуард Янке, один из солдат «Дас Райх», в послевоенном интервью рассказавший:

«Мы отмечали тот факт, и особенно это касалось нас, эсэсовцев, что они (красноармейцы – Р.П.) не будут никого брать в плен. Они поставили бы нас к стенке и поэтому мы сражались до последней пули» [11, p.175]. Характерно, что и иностранные добровольцы войск СС, и солдаты сухопутных сил были готовы подписаться под такими утверждениями. Голландец Ян Мунк из полка СС «Вестланд» рассказывал: «Нашим наибольшим страхом была не возможность быть застреленным, но попадание в плен. Русские могли быть действительно жестокими» [18, p.167]. Солдат Вермахта Георг Бухвальд на вопрос интервьюирующего его историка «Вы верили рассказам о русских преступлениях?» ответил: «Да, и мы не надеялись остаться в живых, если бы попали в плен. На отбитом нашем перевязочном пункте мы нашли сильно изуродованные тела наших раненых, вокруг только и говорилось об ужасных вещах» [15, p.1916].

Отметим, что уничтожение госпиталей, находившихся под защитой Красного креста, убийство беззащитных раненых, является чудовищным преступлением, которому не может быть оправдания. После захвата дивизией СС «Дас Райх» Павлограда в феврале 1943 года, на окраине города эсэсовцы обнаружили остатки немецкого военного госпиталя попавшего в руки советских войск несколько дней назад – раненые, медперсонал, даже сестры Красного креста – все они были убиты красноармейцами. Они «лежали рядами, как скот. Безграничная ярость овладела нами», вспоминал роттенфюрер СС Гельмут Хамерих [14, s.69]. Для сравнения: 6 марта 1943 года (через несколько дней после взятия Павлограда) дивизия СС «Дас Райх» овладела поселком Новая Водолага. В руки эсэсовцев попал советский госпиталь, где находилось более 70 тяжелораненых бойцов Красной армии. Однако никаких репрессий по отношению к раненым красноармейцам предпринято не было [1, с.554].

Бригадефюрер СС доктор Оскар Хок, в конце войны занимавший должность врача 2-го танкового корпуса СС, писал: «Мы не могли рисковать попаданием (раненых – Р.П.) в плен к русским, зная их полное пренебрежение к Красному кресту. Было лучше вывозить даже тех раненых, которые были нетранспортабельны и могли умереть в пути, чем оставить их, чтобы они были убиты русскими» [11, p.175]. Свидетельство столь высокопоставленного офицера не оставляет сомнений, что такая практика была повсеместной и распространялась на все войска СС.

Как ни дико это прозвучит, но жестокость советских солдат стала важной составляющей поддержки морального духа немецких войск в условиях отступления Вермахта на Восточном фронте в 1943-1945 годах. Ожидание неминуемой гибели в случае попадания в плен наглядно проявляло у солдат СС их хрестоматийное чувство товарищества, знаменитый эсэсовский «камерадшафт». В целом, анализ воспоминаний ветеранов дивизии СС «Дас Райх» наглядно подтверждает это заявление. В частности, в своих мемуарах унтерштурмфюрер СС Ханс-Вернер Вольтерсдорф, служивший в полку СС «Дер Фюрер», вспоминал, как в декабре 1943 года, в начале советской Житомирско-Бердичевской наступательной операции, он рискуя жизнью спас

своего раненого командира [19, p.34-41]. Подобных примеров достаточно много, не зря Отто Вейдингер, заслуженный ветеран войск СС и основной историограф боевого пути дивизии СС «Дас Райх» гордо заявлял после войны, что в ходе отступления из под Житомира никого из раненых солдат эсэсовцы не оставили на милость противника [16, p.226].

Однако эвакуация раненых при быстром отходе была не всегда возможна, и выход из такого положения эсэсовцам приходилось искать на месте. Как правило, они его находили. Как вспоминал ветеран «Дас Райх» Франц-Йозеф Драйке, для солдат СС было вполне обычным делом договариваться, что если кто-то из них будет тяжело ранен и спасение окажется невозможным, то товарищи скорее, пристрелят раненого, чем позволят ему попасть в советский плен [8, с.85]. Имевшие место убийства эсэсовцами своих раненых, чтобы исключить их попадание в руки противника и последующую мучительную гибель, стали еще одним отражением всеобщей варваризации войны.

В то же время есть и обратные примеры – достаточно вспомнить невеселый рассказ танкиста из тяжелой роты дивизии СС «Дас Райх» унтершарфюрера СС Эрнста Штрэнга. В марте 1944 года (в самом начале Проскурово-Черновицкой наступательной операции Красной армии), танк Штрэнга был подбит, и ему с экипажем пришлось спасаться бегством. Преследуемые красноармейцами, Штрэнг со своим экипажем бросили раненого штандартенюнкера СС Ариберта Айнбека, тормозившего их бегство. Штрэнг объяснял после войны, что все это во имя спасения собственной жизни – инстинкт самосохранения был развит и у эсэсовцев. Айнбек был застрелен на месте, однако остальным удалось спастись. Что необычно – оторвавшись от противника, Штрэнг сотоварищи начали подбирать всех немецких раненых, что попались им на пути [7, с.82] – скорее всего это было своеобразной формой искупления за то, как они поступили с Айнбеком. В любом случае, не нам его осуждать.

Характерно, что чудовищные реалии войны на фронте, то есть в период непосредственных боевых действий, часто не отражались на отношении эсэсовцев к мирному населению. Удивительно, но в ходе тотальной войны, одновременно с проявлениями жестокости на фронте, даже солдаты СС находили в себе сочувствие к страданиям мирного населения враждебной страны. Для иллюстрации этого тезиса, приведем несколько характерных примеров, относящихся к дивизии СС «Дас Райх». Так, весной 1943 года после завершения тяжелейших боев Харьков лежал в руинах. Обстановка в городе была тяжелой. Пока Харьковская городская управа пыталась наладить снабжение города продовольствием, местные жители голодали. Унтершарфюрер СС Эвальд Эхм из 16-й саперной роты полка СС «Дойчланд» описывал, как харьковские дети столпились у немецкой полевой кухни, когда эсэсовцы уже заканчивали свой обед: «Они собрались быстро и их голодные глаза светились при виде еды». Это зрелище разжалобило даже закаленных огнем немецких ветеранов. Многие солдаты начали делиться с детьми своими рационами. Командир роты Хайнц Махер отправил Эхма на

кухню с приказом для повара сварить суп погуще, из всего того, что оставалось на кухне после солдатского обеда. «Так мы накормили детей» [13, p.98].

Эсэсовец Антон Фехлау водитель из артиллерийского полка дивизии вспоминал о другом, не менее показательном случае в период нахождения дивизии в Харькове: «Комендант города направил нас к немецкой полевой пекарне. Там наш грузовик доверху загрузили свежее испеченными буханками хлеба. Мы должны были доставить их на раздаточный пункт в Харькове. В пути мы решили сделать короткую остановку, достали одну буханку и начали ее есть. Все дома вокруг нас были разбиты и казались пустыми. Но затем из одного из них вышел старик, приблизился к нам и начал делать характерные жесты руками, прося хлеба. Не раздумывая, я бросил ему буханку. Тут же из всех дверей к нам кинулись люди, ошибочно подумав, что мы приехали раздавать им хлеб. Мы быстро вскочили в грузовик и поехали к месту нашего назначения. Когда мы прибыли в Харьков, то узнали, что хлеб, который мы везли, предназначался для раздачи местному гражданскому населению» [13, p.97].

К сожалению, вопросу взаимоотношений немецких солдат с местным населением обычно не уделяется много внимания в отечественной исторической литературе. В основном господствует традиционная, еще советская точка зрения, согласно которой, немцы только и делали, что издевались «над мирным, беззащитным населением» [9, с.160]. Однако воспоминания, как переживших оккупацию местных жителей, так и немецких ветеранов позволяют несколько расширить привычную картину. Взаимоотношения с местным населением у эсэсовцев (также как и у солдат Вермахта) были далеко не такими «однотипными», как утверждает советскими пропагандистами. Наоборот, часто между мирными жителями и солдатами СС устанавливались нормальные отношения. Например, в октябре 1943 года танковый полк дивизии СС «Дас Райх» был дислоцирован в Кировограде, для отдыха, реорганизации и ремонта материальной части. При этом личный состав полка был расселен в частных домах, прямо в украинских семьях. По воспоминаниям ветеранов, отношения с местным населением у них сложились исключительно хорошие. В частности, служивший в роте тяжелых танков «Тигр» унтершарфюрер СС Вальтер Херрманн, после войны вспоминал о хороших личных отношениях, которые у него сложились с его украинским квартиродателем. Когда пришел приказ на передислокацию роты, Херрманн даже «опустошил несколько бутылок водки с хозяином квартиры», который прослезился, узнав, что Херрманн должен покинуть его дом [10, s.199].

Солдат СС Хайд Рюль, из 3-го артиллерийского дивизиона дивизии, рассказал о другом интересном случае, который произошел в период стоянки «Дас Райх» под Харьковом весной 1943 года. За постоянными учениями (шла подготовка к операции «Цитадель») у солдат оставалось мало времени на отдых. Дивизион размещался в одной из деревень под Харьковом. Рюль вспоминал, как командир приказал ему организовать вечеринку для личного

состава. Первым делом для этого нужно было соорудить танцплощадку в парке. Деревенский староста, за помощью к которому обратился Рюль, развел руками, мол, подходящего дерева, из которого можно сделать доски для постройки танцплощадки – нет. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки Рюль пообещал старосте, что крестьяне смогут забрать себе все доски после вечеринки. Это сразу дало результат – через два дня дерево нашлось и крестьяне приступили к постройке. Вскоре танцплощадка была готова. В украинской деревне эсэсовцы из «Дас Райх» и приглашенные девушки-связистки из соседнего армейского пункта связи устроили танцевальный вечер в баварском стиле, немного отвлекшись от военной реальности. А уже к концу следующего дня танцплощадка была разобрана местными жителями [5, с.306]. В итоге все остались довольны – и немцы, и местное население.

В ходе войны случались и вообще немислимые, трудновообразимые ситуации. Танкист Фриц Ланганке, будущий кавалер Рыцарского креста вспоминал о своем удивлении, когда холодной зимней ночью, в которую он и его товарищи сгрудились вокруг печки в одной из украинских сельских хат, две живущие здесь местные девушки обратились к эсэсовцам на немецком языке. Уже вскоре между ними завязалась оживленная политическая дискуссия. «Они были так образованы, так четко излагали свою точку зрения, что мы даже не могли спорить с ними... Той ночью я почти стал большевиком» – с иронией вспоминал Ланганке после войны [12, р.30]. Анализируя этот случай весьма показательно, что местные девушки вступили в дискуссию о преимуществах советского строя с нацистскими «политическими» солдатами СС, без малейшего страха и недоверия. Согласитесь, невозможно представить такую ситуацию в 1945 году в Германии – любой немец попытавшийся обсудить с советским солдатом преимущества нацизма был бы или немедленно расстрелян на месте или сразу же передан для «следствия» в «компетентные органы».

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Борьба мировоззрений на Восточном фронте привела к варваризации войны, причем с обеих сторон. Совершенно бессмысленно спорить кто начал первым, факт остается фактом – обе противоборствующие стороны вели борьбу с невиданной до селе жестокостью. Результатом стали двухсторонние военные преступления, очень часто вытекавшие из противоправных действий противника. Однако в контексте экстремальных военных реалий такие эксцессы являлись вполне закономерными. Вместе с этим, беспощадная действительность Восточного фронта стала одной из составляющих высокого морального духа солдат СС, способствуя при этом еще большему росту чувства товарищества и взаимовыручки и так изначально распространенному среди личного состава эсэсовских подразделений. Одновременно, жестокость на фронте часто не отражалась на отношении к мирному населению.

Стиснутая в рамках небольшого объема статьи, наша работа приоткрывает лишь небольшой пласт и затрагивает только отдельные моменты, хотя и показательные. В целом, современным историкам следует

куда более внимательно подходит к анализу такой неоднозначной темы как влияние суровых реалий войны на ее непосредственных участников.

Список литературы: 1. История городов и сел Украинской ССР. Харьковская область. – К.: Институт истории Академии наук УССР, 1976. – 722 с.; 2. *Кноп Г.* История Вермахта. Итоги / Г. Кноп. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 272 с.; 3. Листи з фронту. Каталог з фондів Дніпропетровського історичного музею ім. Д.І. Яворницького. – Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2007. – 68.; 4. *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война: кризис и крах / О.Ю. Пленков. – Москва-Санкт-Петербург: Нева, 2005. – 512 с.; 5. *Пономаренко Р.* 1943. Дивизия СС «Рейх» на Восточном фронте / Р. Пономаренко. – М.: Яуза-Пресс, 2010. – 512 с.; 6. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании общества / Е.С. Сенявская. – М.: Росспэн, 2006. – 288 с.; 7. *Фей В.* Бронетанковые дивизии СС в бою / В. Фей; пер. с немецкого С. Гукова. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с.; 8. *Харт С., Харт Р., Хьюз М.* Рядовые Вермахта и СС 1939-1945 / С. Харт, Р. Харт, М. Хьюз. – М.: Эксмо, 2006. – 192 с.; 9. Харьковщина в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941-1943 гг. Сборник документов и материалов. Под редакцией В.В. Тесленко. – Х.: Прапор, 1965. – 426 с.; 10. *Cazenave S., Warnick R.* Tiger! / S. Cazenave, R. Warnick. – Editions Heimdal, 2008. – 496 s.; 11. *Goldsworthy T.* Valhalla's Warriors. A History of the Waffen-SS on the Eastern Front 1941-1945 / T. Goldsworthy. – Dog Ear publishing, 2007. – 274 p.; 12. *Hastings M.* Das Reich / M. Hastings. – London: Pan books, 2000. – 290 p.; 13. *Lucas J.* Das Reich. The military role of the 2nd SS division / J. Lucas. – London: Cassel, 1999. – 222 p.; 14. *Rupp C.* Im Feuer gestählt. Panzerjäger der Waffen-SS. Division „Das Reich“ / C. Rupp. – Nation Europa Verlag, 1999. – 152 s.; 15. War on the Eastern Front. The German View // Purnell's History of the Second World War, Vol.5, №69, P.1916-1917.; 16. *Weidinger O.* Comrades to the End. The 4th SS Panzer-Grenadier Regiment "Der Führer" 1938-1945. The history of a German-Austrian fighting unit / O. Weidinger. – Atglen: Schiffer Military History, 1998. – 464 p.; 17. *Westemeier J.* Joachim Peiper: A biography of Himmler's SS Commander / J. Westemeier. – Atglen: Schiffer Military History, 2007. – 240 p.; 18. *Williamson G.* Loyalty is my Honour / G. Williamson. – Bramley Books, 1995. – 192 p.; 19. *Woltersdorf H.W.* Gods of war / H.W. Woltersdorf. – Presidio, 1990. – 227 p.

Поступила в редакцію 16.12.2011